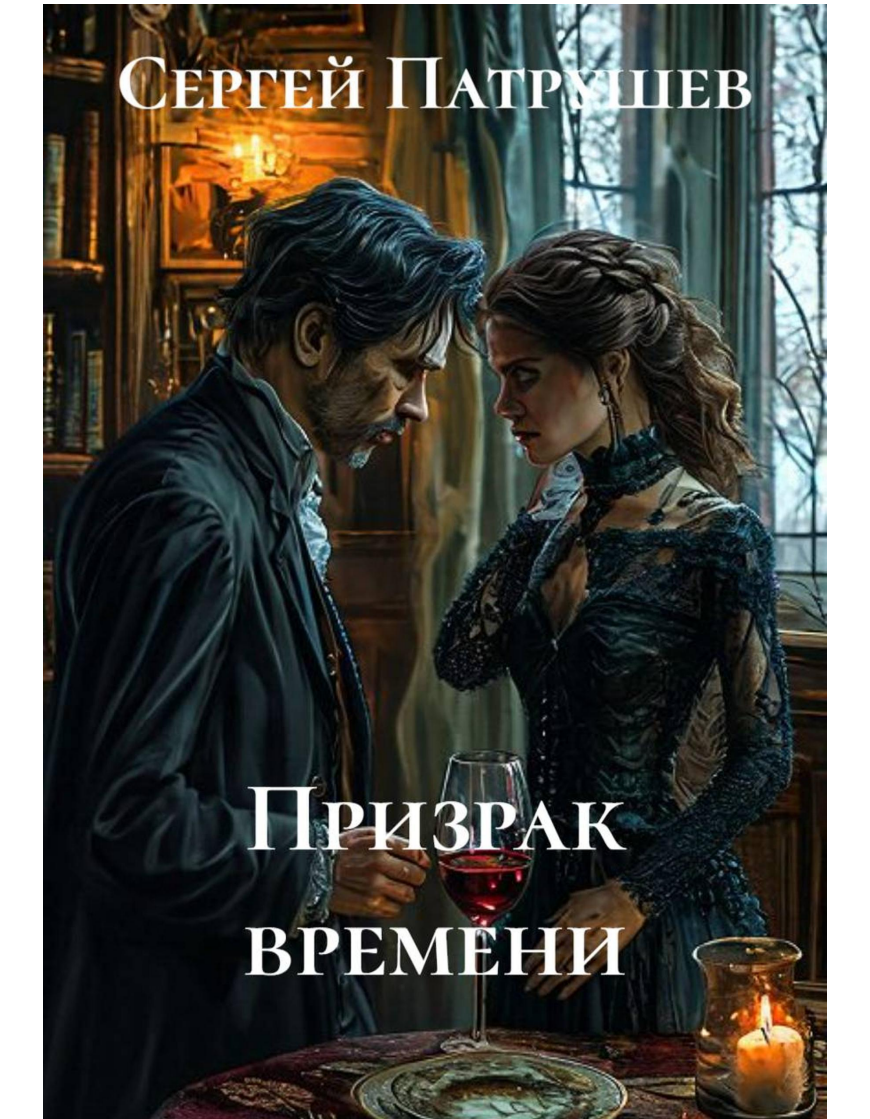

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ПРИЗРАК
ВРЕМЕНИ

Сергей Патрушев

Призрак времени

<https://litres.ru/74343399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк получает в наследство старинный особняк, затерянный в глухом лесу. Они с женой Алисой отправляются туда, надеясь решить финансовые проблемы, но вместо этого попадают в ловушку, из которой не выбраться. Местные жители боятся даже говорить о "Хозяевах" дома, а сам особняк хранит страшную тайну: больше века назад здесь разыгралась трагедия, приковавшая души умерших к этому месту.

В доме ломается само время. Часы идут вспять, ночь наступает посреди дня, а в тёмных комнатах слышатся плач, музыка и шаги невидимых обитателей. Алиса начинает видеть призраков, а Марк всё ещё отказывается верить в сверхъестественное — пока не становится слишком поздно.

Теперь им предстоит разгадать историю Чарльза и Грейс, чьи призраки заперты в вечной петле, и разорвать её, пока дом не забрал их собственное время навсегда.

Содержание

Глава 1. Ключи от вечности	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Патрушев

Призрак времени

Глава 1. Ключи от вечности

Дорога, которая ещё каких-то полчаса назад казалась вполне надёжной и даже умудрялась сохранять остатки асфальтового покрытия, умерла внезапно и бесповоротно, словно сама земля в этом месте решила, что дальше цивилизации нет и быть не может. Ещё минуту назад старенький, выдавший виды седан, утробно рыча перегретым мотором и поскрипывая изношенной подвеской, упрямо карабкался вверх по извилистой колее, петляя между мрачными, поросшими мхом елями, чьи тяжёлые лапы почти смыкались над крышей автомобиля, образуя подобие тёмного туннеля, и вот уже колёса беспомощно вязнут в сырой, пропитанной влагой земле, усыпанной толстым слоем прелой хвои, прошлогодних полусгнивших листьев и каких-то странных, болезненно-бледных грибов, источающих слабый запах гнили. Навигатор, который последние полчаса вёл себя всё более неуверенно, то и дело теряя сигнал и перестраивая маршрут с явной неохотой, словно каждое следующее движение вглубь этого угрюмого леса давалось ему с трудом, в конце

концов издал протяжный электронный хрип, какой издают умирающие устройства, и после короткой паузы торжественно, с оттенком обречённости в синтезированном голосе, произнёс сакраментальную фразу: «Вы прибыли в пункт назначения», после чего экран его окончательно погас, погрузившись в мёртвый чёрный цвет, как будто само устройство, не выдержав атмосферы этого места, испустило дух и покинуло этот мир.

Марк, который вёл машину и всё это время с напряжением всматривался вперёд, сжимая руль побелевшими от усталости пальцами, медленно, с явным облегчением, смешанным с лёгкой тревогой, которой он сам бы никогда не признался, заглушил двигатель, и в тот же миг на притихший автомобиль обрушилась такая абсолютная, всепоглощающая тишина, какой Алиса не слышала, пожалуй, никогда за всю свою жизнь. Это была не просто тишина безлюдного места, не просто отсутствие привычного городского шума, к которому человек так быстро привыкает, что перестаёт его замечать, — это было нечто совершенно иное, физически ощутимое давление на барабанные перепонки, какое испытываешь при резком взлёте самолёта или при погружении на большую глубину, когда воздух, кажется, становится плотным, как вода, и перестаёт проводить звуки. Даже птицы, которые, по всем законам природы, должны были бы в этот предвечерний час устроить настоящую какофонию, готовясь ко сну

и перекликаясь между собой в ветвях, хранили полное, какое-то неестественное, гробовое молчание, словно сам лес вокруг них замер в ожидании чего-то неизбежного и страшного.

— Ну, кажется, приехали, — произнёс Марк, и его голос, прозвучавший в этой вязкой тишине, показался Алисе чересчур бодрым, фальшивым, неестественно приподнятым, как голос актёра, который изо всех сил пытается изобразить оптимизм в третьесортной пьесе, заранее зная, что зрители ему не поверят.

Алиса не ответила, потому что все её мысли, все ощущения были прикованы к тому, что она видела сквозь забрызганное грязью лобовое стекло, к тому, что угадывалось там, впереди, за стеной вековых, почерневших от времени деревьев, чьи стволы были так густо оплетены лишайником и мхом, что казались не деревьями вовсе, а какими-то окаменевшими чудовищами, застывшими в немом крике. Там, в этом царстве сумрака и сырости, окутанные сизым предвечерним туманом, который стелился по земле, словно живое существо, медленно переползая с места на место, угадывались очертания чего-то массивного, угловатого, тяжёлого, чего-то, что было настолько чуждо этому дикому, но всё же живому лесному пейзажу, что у неё по спине пробежал холодок. Ей вдруг отчаянно, до боли в груди, захотелось схватить

Марка за руку, вцепиться в неё изо всех сил и попросить, нет, не попросить — потребовать, умолять, заставить его завести машину, развернуться и увезти её отсюда как можно дальше, немедленно, прямо сейчас, пока ещё в баке оставался бензин, пока ещё солнце, пусть и окрашенное в зловещий, кроваво-красный цвет, разливая по небу предзакатное зарево, всё же виднелось за верхушками елей, пока ещё эта дорога, пусть и разбитая, существовала и могла вывести их обратно в мир живых. Но она промолчала, потому что слишком хорошо знала этот взгляд Марка, который видела сейчас на его лице, — упрямый, загоревшийся каким-то почти детским авантюризмом, взгляд человека, который купил лотерейный билет, уже мысленно потратил выигрыш и ни за что на свете не повернёт назад.

История с наследством началась ровно месяц назад, и началась она, как и положено всем странным историям, с письма, которое пришло по обычной почте, но выглядело так, будто его доставили из другого века. Плотный, кремовый, почти пергаментный конверт, запечатанный не привычным клеем, а старомодной сургучной печатью глубокого тёмно-бордового цвета, на которой был оттиснут незнакомый герб — не то ворон с распростёртыми крыльями, не то грифон, не то какое-то иное мифологическое существо, которого Алиса никогда не видела, — произвёл на неё настолько странное впечатление, что она несколько минут просто вер-

тела его в руках, не решаясь вскрыть. Внутри, на плотной, чуть желтоватой бумаге, исписанной витиеватым каллиграфическим почерком, каким, наверное, писали лет двести назад губернские секретари, сообщалось, что некий Марк Вересов, судя по всему, её муж, является единственным наследником своего троюродного дяди по имени Элиас Вайс, который скончался при загадочных обстоятельствах в своём родовом имении, расположенном в отдалённой губернии, в местечке с не слишком обнадёживающим названием «Чёрная Топь», и оставил ему всё своё имущество, включая недвижимость, земельный участок и некоторую сумму на банковском счёте.

Марк тогда, прочитав письмо, рассмеялся, потому что был по профессии писателем, автором довольно успешных, но не слишком глубоких криминальных триллеров, и его живое, беспокойное воображение, привыкшее видеть заговор в любом малозначительном событии, мгновенно нарисовало десятки сюжетов, от банальной аферы с целью выманить у него деньги за несуществующее наследство до полноценного триллера в духе старых добрых историй о завещаниях с подвохом, где каждый наследник исчезает при загадочных обстоятельствах. Однако, будучи человеком всё же достаточно практичным, он через знакомого юриста навёл справки и с немалым удивлением обнаружил, что наследство, о котором говорилось в письме, самое что ни на есть настоящее,

подтверждённое документами и зарегистрированное в соответствующих инстанциях. Выяснилось, что у него действительно существовал дальний родственник, о котором семья предпочитала не говорить, что родственник этот действительно владел большим старинным особняком в глухой провинции и что после его смерти, наступившей при обстоятельствах, которые местные власти предпочли не афишировать, всё имущество перешло к Марку как к единственному наследнику мужского пола. Сумма на банковском счёте была не то чтобы колоссальной, но вполне достаточной, чтобы Марк, вечно сидящий без авансов, вечно спорящий с издателями о гонорарах и вечно мечтающий о финансовой независимости, немедленно загорелся идеей немедленной поездки. Алиса, его жена и по совместительству литературный агент, которая знала о практической стороне жизни гораздо больше, чем её романтически настроенный супруг, пыталась его отговорить, потому что с самого первого мгновения, с той самой секунды, когда она увидела этот конверт с сургучной печатью, в её душе поселилось смутное, необъяснимое, но очень настойчивое чувство надвигающейся беды. Она чувствовала какой-то подвох, какую-то ловушку, расставленную неизвестно кем и неизвестно зачем, но Марк, как всегда, был непреклонен в своём энтузиазме. Он говорил, что это шанс всей жизни, что они смогут продать этот дом, даже если он в плохом состоянии, что земля в тех краях, возможно, стоит немало, что они наконец-то смогут расплатиться с долгами,

накопившимися за годы нестабильной писательской карьеры, и уехать куда-нибудь в тёплые страны, где Алиса, которая ненавидела холод и сырость, сможет наконец-то отдохнуть и набраться сил. В конце концов она не смогла ему отказать, потому что слишком сильно любила его, слишком верила в его мечты и слишком боялась отпустить его одного в такую даль, в этот странный, незнакомый мир, о котором она ничего не знала, но который инстинктивно боялась.

Деревня, через которую им пришлось проехать, чтобы добраться до цели, называлась Погорелово, и название это, как позже выяснилось, было не случайным, хотя ни Алиса, ни Марк тогда не придали этому значения. Она встретила их цепочкой покосившихся, почерневших от времени изб с пустыми, чёрными проёмами окон, в которых не было ни стёкол, ни рам, ни каких-либо признаков жизни, парой тощих, равнодушных собак, которые лениво брехали вслед проезжающей машине, не делая ни малейшей попытки её преследовать, да старой женщиной в тёмном платке, которая, едва увидев их автомобиль, остановилась посреди дороги, быстро перекрестилась мелким, суетливым движением и почти бегом скрылась за тяжёлыми воротами, словно само появление чужаков было для неё дурным предзнаменованием. На единственной, как им показалось, центральной улице, которая представляла собой разбитую грунтовую дорогу, по обеим сторонам которой стояли редкие, полуразвалившиеся

ся дома, они попытались остановиться и спросить дорогу, но сделать это оказалось непросто. Мужик, который чинил покосившийся забор у одного из домов, заметив их машину, поспешно отвернулся, сделав вид, что полностью поглощён своим занятием, и когда Марк, опустив стекло, окликнул его, он даже не поднял головы, лишь буркнул в свою седую, неухоженную бороду что-то неразборчивое.

— Простите, мы ищем усадьбу Вайсов, — повторил Марк громче, стараясь перекрычать порывы ветра. — Мы наследники, у нас документы.

Мужик резко, словно его ударили, выпрямился, и в его выцветших, светло-голубых глазах, окружённых глубокими морщинами, Алиса увидела то, от чего её сердце сжалось в неприятном предчувствии, — самый настоящий, неподдельный, животный страх, смешанный с чем-то похожим на отвращение. Он посмотрел на Марка, потом перевёл взгляд на Алису, сидевшую на пассажирском сиденье с застывшим лицом, и медленно, с расстановкой, покачал головой, словно не мог поверить в то, что эти двое сумасшедших действительно собираются ехать туда.

— Нет там никого, — произнёс он наконец, и голос его прозвучал глухо, как из-под земли. — И вам не советую. Проваливайте отсюда подобра-поздорову, пока целы.

— Послушайте, у нас есть бумаги, — начал было Марк, но мужик, словно испугавшись собственной смелости, замахал на него руками, как на нечистую силу, и попятился к калитке.

— Не знаю! Ничего не знаю! Езжайте, откуда приехали, и не возвращайтесь! — выкрикнул он уже на ходу, быстро зашагав прочь, и его сторбленная фигура в старой, заляпанной грязью фуфайке исчезла за дощатым забором, оставив Алису и Марка в полном недоумении.

Они проехали ещё немного, и уже на самой окраине деревни, где дома стояли совсем редко, уступая место заросшим бурьяном пустырям, им всё же удалось разговорить словоохотливого мальчишку лет двенадцати, который согласился показать дорогу за плитку шоколада, найденную Алисой в бардачке. Он ехал с ними на заднем сиденье, шмыгая носом и с любопытством разглядывая их вещи, и его худое, веснушчатое лицо с выражением какой-то взрослой, настороженной печали наводило на мысли о том, что этому ребёнку пришлось повидать в жизни немало такого, о чём детям знать не положено.

— Дяденька, а вы, правда, в дом Хозяев едете? — спросил он неожиданно, когда машина выехала за пределы деревни и

углубилась в лес, где деревья стояли так плотно, что солнечный свет с трудом пробивался сквозь их кроны.

— В дом Вайсов, — поправил его Марк, не отрывая взгляда от дороги.

— Ну да, Хозяевами их у нас зовут, — кивнул мальчишка с таким видом, словно это само собой разумелось. — Давно уж так зовут. Раньше-то они ещё людьми были, так дед говорит. А потом... — он осёкся, словно испугавшись собственных слов.

— Что потом? — Алиса резко обернулась к нему, и в её голосе прозвучало такое напряжение, что мальчишка вздрогнул.

— Не знаю, — забормотал он, отводя взгляд. — Говорят, плохое что-то. Что они сами не свои стали. Что дом их по ночам дышит, как живой. А кто туда забредал, обратно не возвращался. Или возвращался, да уж лучше бы и не возвращался вовсе. Без глаз, без языка...

Марк хмыкнул, явно не принимая болтовню деревенского мальчишки всерьёз, но Алиса почувствовала, как по её спине пробежал ледяной холодок, словно кто-то прикоснулся к ней мокрой рукой. Она вцепилась в сумочку, лежащую

на коленях, с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и с трудом удержалась от того, чтобы не попросить Марка остановить машину.

— А ты сам-то видел кого-нибудь из Хозяев? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

Мальчишка замялся, и в его глазах снова мелькнул тот же страх, который Алиса видела у старухи и у мужика с забормом. Потом он наклонился вперёд и, понизив голос до едва слышного шёпота, словно боясь, что его услышит сам лес, ответил:

— Дед мой видел. Давно ещё, когда молодой был. Говорил, что у них глаза как у совы. Жёлтые, большие. И не мигают. Они тебя видят, а ты их — нет. Они всегда в доме. Всегда. Даже когда никого нет. Они ждут.

Дальше он показал лишь направление, вытянув руку в сторону тёмного, уходящего вглубь леса просёлка, и наотрез отказался ехать дальше, заявив, что ему туда нельзя, что мамка будет ругаться, что он и так уже нарушил все запреты, согласившись сесть в машину к чужакам. Он выскочил из автомобиля на ходу, едва тот замедлился на очередной кочке, и, бросив напоследок звонкое, полное неподдельного ужаса «Вы зря туда едете, зря!», исчез в подлеске, словно раство-

рился в воздухе.

И вот теперь они здесь.

Особняк вырастал из тумана постепенно, по мере того как они приближались, и это было сродни какому-то кошмарному сновидению, когда ты идёшь вперёд, а то, что впереди, всё никак не приближается, и кажется, что ты топчешься на месте, хотя ноги твои движутся. Он был огромен, но не величествен, и в его облике не было ничего от той благородной старины, которую обычно ожидаешь увидеть, когда речь заходит о родовых поместьях. Напротив, в каждом камне, в каждой трещине, в каждом покосившемся архитектурном элементе чувствовалась какая-то ущербная, болезненная стать, словно дом был не построен, а вырос из этой земли, как растут гнилые грибы на старом пне, уродливые и неправильные. Два этажа из серого, потемневшего от времени и непогоды камня, мансарда с круглым окном, которое, казалось, смотрело на мир с немым укором, как огромное, затянутое бельмом око, высокие, узкие окна первого этажа, наглухо закрытые тяжёлыми деревянными ставнями, за которыми, казалось, пряталась сама тьма, и второй этаж, смотревший на пришельцев чёрными, мёртвыми провалами стёкол, в которых не отражалось ничего, даже слабый свет умирающего дня, — всё это производило впечатление невыносимой, давящей безысходности. Фасад пересекали глубо-

кие, извилистые трещины, словно морщины на лице древнего старика, пережившего на своём веку слишком много горя. Правое крыло здания словно осело, вросло в землю, как больной зуб в десну, и от этого весь дом казался перекошенным, будто прихрамывающим на одну ногу. Крыша местами провалилась, обнажив тёмные, прогнившие стропила, и в этих дырах, как в открытых ранах, угадывались очертания каких-то тёмных пространств, уходящих вглубь здания, но, что удивительно, остальная часть крыши выглядела на удивление целой, даже тёмно-бордовая, почти чёрная черепица сохранила свой мрачный, зловещий цвет. Перед домом, на заросшей бурьяном площадке, чернел старый фонтан, чаша которого была наполовину засыпана землёй и прелыми листьями, а в центре, на почерневшем от времени постаменте, смутно угадывалась фигура какого-то мифологического существа — не то фавна, не то демона, не то какого-то ещё более древнего и чуждого человеку создания, чьё каменное лицо, искажённое гримасой то ли боли, то ли злобного торжества, было обращено к дому.

— Мда, — протянул Марк, выходя из машины и потягиваясь, чтобы размять затёкшие от долгой дороги ноги, и в его голосе Алиса уловила фальшивую нотку бодрости, призванную скрыть то неприятное чувство, которое, она была уверена, он тоже испытывал, просто не хотел показывать. — Как говорится, ремонт по-европейски. Но, согласись, колоритно.

Настоящий готический сеттинг. Я бы мог написать здесь отличный роман, если бы, конечно, тут можно было найти розетку для ноутбука.

Алиса вышла следом, и в тот же миг земля под её ногами предательски просела, словно хотела засосать её, утянуть в свою сырую, холодную глубину. Она поёжилась и обхватила плечи руками, потому что прохладный, влажный воздух, поднимающийся от земли, пробирал до костей, проникая сквозь одежду, и это было тем более странно, что по календарю был ещё только конец сентября, а дневная температура в городе, откуда они приехали, позволяла ходить в лёгкой куртке. От дома веяло холодом, как от склепа, как от глубокой могилы, разрытой посреди ночи, и этот холод, казалось, не имел ничего общего с обычным осенним похолоданием.

— Марк, мне здесь не нравится, — произнесла она тихо, почти шёпотом, не потому что боялась, что её услышит кто-то посторонний, а потому что громкий голос в этом месте казался чем-то неуместным, почти кощунственным, как смех на похоронах.

— Алиса, ну перестань, — отмахнулся он, открывая багажник и принимаясь вытаскивать чемоданы, которые вдруг стали казаться ей невыносимо тяжёлыми, словно налились

свинцом. — Это же просто старый дом. Ему лет двести, если не больше. Конечно, он обветшал. Здесь пахнет историей, разве не чувствуешь?

— Здесь пахнет смертью, — прошептала она, но так тихо, что он не услышал, а она не стала повторять, потому что знала, что он всё равно ответит какой-нибудь шуткой, которая ничуть не развеет её тревогу.

Марк достал чемоданы и, захлопнув багажник, бодро зашагал к массивной дубовой двери, сколоченной из потемневших, почти чёрных досок, скреплённых коваными железными полосами, которые, казалось, вросли в дерево за долгие годы. Алиса нехотя поплелась за ним, то и дело оглядываясь через плечо, потому что у неё было стойкое, необъяснимое ощущение, что за ними наблюдают, и не из дома, нет, а из леса, из этого мрачного, молчаливого леса, который окружил их со всех сторон, отрезав от всего мира. Тысячи невидимых глаз, казалось, буравили её спину, и она несколько раз резко оборачивалась, уверенная, что увидит кого-то между елями, но каждый раз это был лишь ветер, качнувший тяжёлую еловую лапу, или неясная тень, скользнувшая по стволу, или игра воображения, разыгравшегося на фоне усталости.

Марк тем временем уже возился с замком, и ключ, кото-

рый он держал в руке, был под стать этому дому — огромный, с вычурной, замысловатой бородкой, похожий на ключ от старинного сундука, в котором хранились бы сокровища, если бы не был таким пугающе холодным на ощупь. Он получил его вместе с письмом от нотариуса, в отдельном бархатном мешочке, и уже тогда, в городе, этот ключ показался Алисе странным, но сейчас, здесь, у этой двери, он вдруг наполнился каким-то новым, зловещим смыслом. Марк вставил его в замочную скважину, которая, как заметила Алиса, была выполнена в форме цветка — странный, необычный выбор для дверного замка, наводящий на мысли о том, что хозяева этого дома были людьми неординарными, — и попытался повернуть.

— Заело, — процедил он сквозь зубы, налегая на ключ всем своим весом, и в этот момент Алисе вдруг отчаянно, до слёз захотелось, чтобы дверь не поддавалась, чтобы замок заклинило намертво, чтобы старый механизм, проржавевший за долгие годы бездействия, отказался впускать их в этот дом, чтобы им не осталось бы ничего, кроме как развернуться и уехать обратно, в город, в их маленькую, но такую уютную квартиру, где нет ни этих стен, ни этого тумана, ни этой давящей тишины. Но судьба, как известно, любит злые шутки, особенно с теми, кто добровольно суёт голову в петлю. Раздался глухой, низкий щелчок, за ним ещё один, и дверь, издав протяжный, леденящий душу скрип, который, каза-

лось, доносился не из дверных петель, а из самой глубины веков, из самых тёмных глубин истории этого дома, начала медленно, неохотно отворяться, словно приглашая их войти в своё чрево.

Первым, что они почувствовали, был запах. Он ударил в ноздри, как невидимая волна, густой, спёртый, удушающий запах, состоящий из множества компонентов, каждый из которых был по-своему неприятен, а вместе они создавали ту неповторимую, тошнотворную вонь, какую можно ощутить лишь в очень старых, давно заброшенных зданиях, где десятилетиями никто не открывал окон и не впускал свежий воздух. Это был запах пыли, старого, рассохшегося дерева, тлена, сырости, какой-то древней, застоявшейся гнили и ещё чего-то неуловимо сладковатого, приторного, отчего к горлу немедленно подступила тошнота, а в висках застучала кровь. Это был запах разложения, но не такого, какое бывает, когда разлагается что-то маленькое и незначительное, а такого, какое сопровождает процесс гниения чего-то огромного, древнего, пропитавшего собой все эти стены, все эти полы, весь этот воздух.

Марк переступил порог первым, и его фигура, освещённая слабым светом из дверного проёма, на мгновение показалась Алисе чужой, почти незнакомой, словно дом уже начал менять их, перестраивать под себя, как перестраива-

ет организм чужеродный вирус. Алиса, помедлив несколько секунд, последовала за ним, потому что оставаться одной на пороге было ещё страшнее, чем войти внутрь, и в тот же миг её окутал сумрак, который, казалось, имел свою собственную плотность, свою собственную температуру, свой собственный, едва уловимый запах. Внутри было темно, почти так же темно, как ночью, и лишь слабый свет умирающего дня, окрашенный в багровые тона заката, просачивался сквозь узкие щели в ставнях, рисуя на полу бледные, дрожащие полосы, в которых медленно, словно нехотя, танцевали мириады пылинок, поднятые в воздух их шагами. Тишина, навалившаяся на них внутри, была ещё более абсолютной, чем снаружи, если это вообще было возможно, и она не просто давила на уши — она звенела, гудела, вибрировала на какой-то неслышимой частоте, от которой ныли зубы и болела голова. Казалось, сам воздух здесь был мёртвым, неподвижным, застывшим навсегда в тот момент, когда последний живой человек покинул этот дом, и каждый их шаг, каждый шорох одежды, каждый вдох отдавался эхом в пустых провалах комнат, разлетаясь по дому и возвращаясь обратно искажённым, неузнаваемым.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — крикнул Марк, и его голос прозвучал жалко, потерянно, словно голос маленького мальчика, заблудившегося в огромном, тёмном лесу, где нет ни дороги, ни надежды на спасение. Эхо подхватило послед-

нее слово и разнесло его по всему дому, по всем этажам, по всем коридорам и комнатам, исказив до неузнаваемости, превратив в какой-то невнятный, шуршащий шёпот, который, казалось, издевательски повторял: «кто-нибудь... кто-нибудь... кто-нибудь...», пока не затих где-то в глубине здания, словно проглоченный темнотой.

— Похоже, никого, — констатировал он, ставя чемоданы на пол, и от этого нехитрого действия поднялась такая туча пыли, что Алиса закашлялась. — Свет бы найти. Не сидеть же в темноте.

Алиса стояла посреди просторного холла, не в силах пошевелиться, потому что ей казалось, что стоит ей сделать шаг, как она провалится в какую-нибудь щель между половицами, уйдёт под пол, в тёмное, сырое подполье, откуда уже никогда не выберется. Внутри дом казался ещё больше, чем снаружи, и это было странно, потому что обычно внутреннее пространство здания кажется меньше внешнего, но здесь, в этом полумраке, где стены терялись в темноте, а потолок уходил куда-то вверх, в недостигаемую черноту, всё было наоборот. Ввысь, к невидимому во мраке потолку, уходила широкая каменная лестница с истёртыми, выщербленными ступенями, разделяющаяся на втором этаже на два крыла, уходящих в противоположные стороны дома, и оттуда, сверху, из этой черноты, казалось, кто-то смотрел на них, не мигая, не

дыша, просто наблюдая. Стены были завешаны гобеленами, настолько выцветшими и потемневшими от времени, что сюжеты на них уже невозможно было разобрать, и лишь смутные, размытые силуэты угадывались в их складках, как призраки, застывшие в вечном танце или в вечной агонии. Массивная мебель, укутанная в толстые, пыльные чехлы, стояла вдоль стен, и в неверном свете, проникающем сквозь щели в ставнях, она напоминала притаившихся в темноте чудовищ, готовых в любой момент сбросить свои покровы и броситься на незваных гостей. Огромная хрустальная люстра, свисающая с невидимой в темноте цепи, тускло поблескивала в полумраке, словно гигантская паутина, усыпанная мёртвыми, не светящимися светлячками, и Алисе вдруг показалось, что она медленно покачивается, хотя никакого сквозняка в холле не было.

Марк пошарил по стене у входа, и его пальцы наткнулись на старинный рубильник, выполненный из тёмной бронзы с какими-то выгравированными на ней символами, которых Алиса не смогла разобрать в темноте. Раздался щелчок, за ним ещё один, где-то в глубине дома что-то затрещало, загудело, словно пробуждаясь от долгого сна, но свет так и не зажёгся, и темнота, казалось, стала ещё гуще, ещё плотнее, словно обидевшись на попытку её потревожить.

— Электричество отключено, либо проводка сгнила, —

сказал Марк, не скрывая разочарования, и его голос в этой темноте прозвучал слишком громко, слишком резко. — Нужно искать свечи или керосиновые лампы. В таком доме они точно должны быть, в таких домах всегда есть запасные источники света.

— Марк, может, не надо? — Алиса наконец обрела голос, и он прозвучал жалобно, испуганно, как у ребёнка, который боится темноты. — Может, переночуем в машине? А завтра, при свете дня, всё осмотрим? Сейчас уже темнеет, мы не знаем этого дома, мы можем заблудиться или упасть...

— Ерунда, — отмахнулся он с той беспечностью, которая одновременно и восхищала её, и приводила в отчаяние. — Сейчас я что-нибудь найду. Дом, судя по всему, нежилой, но вещи-то остались. Хозяева не могли забрать с собой всё, что-то обязательно должно быть на кухне или в кладовой.

Он, подсвечивая себе экраном мобильного телефона, который в этой темноте казался крошечным, беспомощным светлячком, двинулся вглубь холла, в сторону массивной двустворчатой двери, ведущей, вероятно, в главную гостиную, и вскоре его фигура растворилась в темноте, оставив Алису одну в этом огромном, мёртвом пространстве. Она осталась стоять у входа, не в силах сделать ни шагу, и её взгляд, как загипнотизированный, был прикован к лестнице,

уходящей в черноту второго этажа. Ей казалось, что оттуда, с верхней площадки, за ней кто-то наблюдает, и это не было просто игрой воображения, как она пыталась себя убедить, — это было реальное, физически ощутимое присутствие, от которого у неё волосы зашевелились на затылке, а по спине побежали ледяные мурашки. Что-то большое, неподвижное, сливающееся с темнотой настолько, что его невозможно было увидеть, но можно было почувствовать, стояло там, наверху, и смотрело на неё, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни враждебности — лишь холодное, безразличное ожидание. Она попыталась убедить себя, что это просто игра её расшатанных усталостью нервов, но чувство было слишком реальным, слишком настойчивым, и оно не проходило, а лишь усиливалось с каждой секундой, проведённой в этом доме. Это был не просто страх перед старым домом, не просто боязнь темноты, знакомая каждому с детства, — это был древний, животный ужас, исходящий от этих стен, от этих прогнивших половиц, от этого сладковатого запаха, ужас, который человечество испытывало с незапамятных времён, когда его предки прятались в пещерах от хищников, выходящих на охоту с наступлением темноты.

Она сделала несколько шагов в сторону гостиной, куда ушёл Марк, и её шаги гулко отдавались в тишине, словно она шла не по деревянному полу, а по крышке огромного гроба. Внезапный звук заставил её застыть на месте, и серд-

це её на мгновение остановилось, чтобы через секунду забиться с удвоенной силой, глухими, частыми ударами отдаваясь в висках. Это был скрип, но не скрип старых досок под её ногами, нет, — это был скрип половиц наверху, медленный, тягучий, размеренный, словно кто-то огромный, тяжёлый, неспешно, переступая с ноги на ногу, прохаживался по второму этажу, и каждый его шаг заставлял старые балки стонать от напряжения.

— Марк! — закричала она, врываясь в гостиную с такой скоростью, что едва не споткнулась о порог, и её голос, сорвавшийся на крик, прозвучал в тёмном пространстве испуганно и пронзительно, как крик раненой птицы.

Он стоял, наклонившись над старинным комодом, стоящим у дальней стены, и рылся в его ящиках, доставая оттуда какие-то пожелтевшие бумаги, тряпки, катушки ниток и прочий хлам, накопившийся за десятилетия. При её крике он вздрогнул и выпрямился, обернувшись к ней, и в его лице, подсвеченном снизу экраном телефона, мелькнуло раздражение, смешанное с лёгкой тревогой.

— Ты чего? Что случилось? Почему ты кричишь?

— Там... наверху... кто-то ходит! — выдохнула Алиса, указывая дрожащей рукой на потолок, и её палец, казалось,

сам собой выписывал в воздухе какие-то нервные круги.

Марк прислушался, склонив голову набок, и на несколько секунд в комнате воцарилась такая глубокая тишина, что Алиса слышала, как бьётся его сердце, или, может быть, это было её собственное сердце, стучащее так громко, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Потом он усмехнулся, той самой снисходительной усмешкой, которая в последнее время всё чаще появлялась на его лице, когда она пыталась поделиться с ним своими страхами, и покачал головой.

— Это дом старый, Алиса. Он остывает после дня, дерево сжимается, балки деформируются. Перепады температуры, понимаешь? Обычная физика. Не поддавайся панике, здесь нет никого, кроме нас.

Она хотела возразить, хотела сказать, что разбирается в физике не хуже его, что скрип был слишком равномерным, слишком целенаправленным, чтобы быть простым следствием перепада температур, но промолчала, потому что знала, что он не поверит, что он снова отмахнётся от неё, как от надоедливового ребёнка, пристающего с глупыми вопросами. Возможно, он прав. Возможно, это и правда просто скрип, и все её страхи — лишь плод усталости и перенапряжения последних дней. Но от этой мысли ей не становилось легче, потому что «обычная физика» в этом доме звучала как-то

по-особому зловеще, словно у неё были свои, тёмные законы, не подчиняющиеся человеческой логике.

Марк, наконец, нашёл в одном из ящиков комода несколько толстых восковых свечей, пожелтевших от времени, и коробок спичек с отсыревшими, шершавыми боками, на котором была изображена какая-то давно забытая торговая марка. Он зажёг одну из свечей, и мягкий, живой, тёплый свет озарил его лицо, заставив тёмные тени заплескаться на стенах, и Алисе на мгновение стало немного легче, словно этот маленький огонёк был единственной защитой от всего того ужаса, который таился в тёмных углах. Но только до тех пор, пока она не посмотрела на стену, где висел огромный гобелен, занимавший почти всю поверхность от пола до потолка. В неровном, колеблющемся свете свечи ей показалось, что с этого гобелена на неё смотрит лицо, и это было не какое-то абстрактное изображение, а самое настоящее, живое лицо, искажённое таким страданием, такой мукой, какое невозможно изобразить, не испытав его в реальности. Рот этого лица был открыт в немом крике, а глаза, казалось, следили за ней, куда бы она ни отошла.

Она отшатнулась и врезалась спиной в тяжёлый дубовый стол, стоящий посреди комнаты, и от резкого удара из её груди вырвался короткий, испуганный вскрик. Марк подхватил свечу и поспешил к ней, встревоженный её реакцией.

— Что там? Что ты увидела?

Он поднял свечу выше, освещая гобелен, и Алиса, всё ещё дрожа, заставила себя посмотреть на него снова. Это была сцена охоты, вытканная, вероятно, в незапамятные времена, когда такие сюжеты были в моде среди аристократии. Всадники с копьями и луками преследовали оленя, несущегося сквозь тёмный лес, и вся сцена, несмотря на свою статичность, дышала движением, скоростью, азартом погони. Но лица всех людей, изображённых на гобелене, были стёрты временем, размыты сыростью до неузнаваемости, и лишь одно — лицо юной девушки, стоящей в стороне от общей сцены, — сохранилось в мельчайших деталях, словно кто-то специально позаботился о том, чтобы его не тронуло время. И выражение этого лица было действительно чудовищным, леденящим душу, не поддающимся никакому рациональному объяснению. Это была гримаса такого неподдельного, животного ужаса, какого Алиса никогда не видела ни на одном лице, ни в кино, ни в жизни, ни в своих самых страшных ночных кошмарах.

— Хм, занятно, — пробормотал Марк, разглядывая гобелен с интересом, но без какого-либо видимого беспокойства. — Старинные гобелены часто изображают... всякое. У людей тогда было специфическое чувство юмора. Не заикли-

вайся на этом. Давай лучше найдём место для ночлега, я уже чертовски устал.

Они решили обосноваться в гостиной, потому что здесь был большой каменный камин, который, по идее, должен был согреть их в этом промозглom, холодном доме, и потому что здесь было меньше всего пыли, хотя понятие «меньше всего» в этом контексте было весьма относительным. Марк принёс дрова из кучи, сложенной у заднего крыльца, и, к их удивлению, они оказались на удивление сухими, словно кто-то совсем недавно заботливо сложил их здесь, укрыв от дождя и снега. Вскоре в камине весело потрескивал огонь, отбрасывая на стены пляшущие, извивающиеся тени, которые, казалось, жили своей собственной, тайной жизнью, не обращая никакого внимания на двух людей, осмелившихся вторгнуться в их владения. Алиса разложила на диване, предварительно сняв с него толстый, пропитанный пылью чехол, привезённые с собой пледы, и их яркие, современные расцветки выглядели в этом мрачном интерьере до нелепости чуждо, как карнавальные костюмы на похоронах. Марк нашёл на кухне, расположенной в левом крыле дома, бутылку вина, запечатанную ещё, судя по выцветшей, почти нечитаемой этикетке, в середине прошлого века, и, когда он с трудом вытащил пробку, рассыпавшуюся в его пальцах в труху, по гостиной разлился густой, тёмный аромат, в котором смешались ноты старого дерева, сушёных ягод и чего-то такого,

отчего у Алисы закружилась голова. К их немалому удивлению, вино оказалось не просто хорошим, а великолепным, бархатистым, глубоким, и, сделав несколько глотков, Алиса почувствовала, как тепло разливается по её телу, притупляя страх и согревая изнутри.

Они сидели перед камином на старом, просевшем диване, укрывшись пледами, и молчали, потому что слова в этой обстановке казались лишними, ненужными, как разговоры в церкви. Алиса смотрела на огонь и думала о том, как быстро и бесповоротно изменилась их жизнь за последние сутки. Ещё утром они были обычной городской парой, сидели в своей маленькой, но уютной кухне, пили кофе и обсуждали планы на выходные, и вот теперь они сидят в огромном, мрачном доме-призраке, посреди мёртвого, молчаливого леса, отрезанные от всего мира, без связи, без электричества, без малейшей надежды на скорую помощь. Телефон не ловил сеть, и это Алиса проверила несколько раз, бессмысленно тыкая в экран, словно это могло изменить ситуацию. Навигатор умер, окончательно и бесповоротно. Единственной ниточкой, связывающей их с цивилизацией, была машина, стоящая у входа, и Алиса молилась про себя, чтобы она завелась, когда придёт время уезжать, потому что мысль о том, что они могут застрять здесь навсегда, была невыносимой.

— Ты знаешь, кто такой был этот твой дядя Элиас? —

спросила она наконец, чтобы разорвать тишину, которая снова начала давить на неё, и её голос прозвучал неожиданно громко в этом огромном пространстве.

— Понятия не имею, — пожал плечами Марк, отхлёбывая вино прямо из бутылки. — Отец упоминал как-то, что у него был брат, с которым он не общался. Говорил, что тот был странным типом. Увлекался оккультизмом, какими-то запрещёнными практиками, алхимией, спиритизмом — в общем, всем тем, чем приличные люди не занимаются. Семья от него отказалась ещё до моего рождения. Он уехал сюда, в эту глушь, и заперся в этом доме со своими книгами и идеями.

— Увлекался оккультизмом... — повторила Алиса, и это слово прозвучало в её устах как приговор. — Это многое объясняет. И герб на письме, и этот склеп, и жители, которые боятся даже произносить их имя.

— Наверняка он был просто безобидным сумасшедшим стариком, — отмахнулся Марк с той снисходительностью, которая всегда появлялась у него, когда речь заходила о вещах, которых он не понимал и не хотел понимать. — А легенды о «Хозяевах» рождаются от скуки и невежества. Люди в таких глухих местах всегда придумывают всякие страшилки, чтобы хоть как-то скрасить своё унылое существование.

— А его смерть? — не унималась Алиса. — «Загадочные обстоятельства»? Что это значит? Почему нотариус не написал причину смерти?

— Чёрт его знает, — пожал плечами Марк. — Может, упал с лестницы. В его возрасте это обычное дело. Может, сердце прихватило. Врачей здесь, сам понимаешь, наверное, днём с огнём не сыщешь, поэтому и написали «загадочные обстоятельства», чтобы не разбираться.

Алиса вздрогнула и снова взглянула на лестницу, уходящую в темноту второго этажа, и мысль о том, что где-то там, в одной из этих тёмных, холодных комнат, возможно, умер человек, лежал и разлагался, пока его не нашли, была для неё настолько невыносимой, что она поспешно отвела взгляд. Она не могла отделаться от ощущения, что смерть всё ещё здесь, что она пропитала собой эти стены, эти полы, этот воздух, которым они дышали, и что она не собирается уходить просто так.

— Завтра всё осмотрим, — сказал Марк, заметив её взгляд и, видимо, догадавшись о её мыслях. — Нужно будет найти документы, понять, что к чему, где какие бумаги лежат. Может, и причина смерти выяснится, если это так важно. А сейчас давай спать. Завтра тяжёлый день, и нам пона-

добьются силы.

Он потянулся, широко зевнул и начал устраиваться на диване, подтягивая плед до подбородка, и вскоре его дыхание стало ровным и глубоким — он спал. Алиса же ещё долго сидела, прислушиваясь к звукам дома, который, казалось, жил своей собственной, независимой от них жизнью. Он скрипел, стонал, вздыхал, и в этих звуках ей чудились то далёкие шаги, то приглушённый шёпот, то сдавленный смех, доносящийся из-за стены. Иногда ей казалось, что она слышит, как кто-то тихо, почти неслышно дышит в темноте, где-то совсем рядом, за спинкой дивана, но, обернувшись, она видела лишь тёмную пустоту, в которой плясали тени от огня.

Она уже начала проваливаться в сон, в ту зыбкую, невесомую полудрёму, когда реальность и сновидения смешиваются в причудливом танце, как вдруг снова услышала этот звук, тот самый, от которого у неё по спине пробежали ледяные мурашки. Скрип половиц наверху. Только на этот раз он был ближе, гораздо ближе, чем раньше, и раздавался не где-то в отдалённых комнатах второго этажа, а прямо над их головами, в комнате, расположенной непосредственно над гостиной. Кто-то медленно, тяжело ступая, шёл по этой комнате, и каждый его шаг сопровождался отчётливым, протяжным скрипом, словно половицы под его весом были готовы вот-вот проломиться. А потом раздался стук. Три глухих, разме-

ренных удара в стену, разделяющую комнату наверху на две части. Тук. Тук. Тук.

Алиса резко села на диване, и её сердце бешено заколотилось в груди, грозя вырваться наружу, а дыхание перехватило так, что она несколько секунд не могла сделать ни вдоха, ни выдоха. Она посмотрела на Марка, ожидая, что он тоже проснулся, что он слышал этот звук, но он спал, отвернувшись к спинке дивана, и его спина равномерно поднималась и опускалась в такт дыханию. Она уже хотела разбудить его, протянула руку, чтобы дотронуться до его плеча, как вдруг стук повторился. На этот раз он доносился не сверху. Он раздавался из-за стены. Из той самой смежной комнаты, куда вела двустворчатая дверь, которую они так и не открыли. Из библиотеки, как они предположили ещё вечером, осматривая первый этаж. Тук. Тук. Тук.

Алиса замерла, боясь пошевелиться, боясь даже дышать, потому что ей казалось, что малейшее движение, малейший звук выдаст её присутствие, хотя она и так знала, что тот, кто стоит за дверью, прекрасно осведомлён о том, что они здесь. Она смотрела на дверь в библиотеку, не в силах отвести взгляд, и в полумраке, освещённом лишь слабым, уга-сающим светом камина, эта дверь казалась ей вратами в какой-то иной, тёмный мир, откуда не возвращаются. Тук. Тук. Тук.

Стук прекратился так же внезапно, как и начался, и тишина навалилась на неё с новой, утроенной силой, но теперь эта тишина была наполнена чем-то ужасным, чем-то таким, чего Алиса не могла ни понять, ни объяснить, но что ощущала каждой клеточкой своего тела. Она поняла, что больше не одна. Поняла с той пугающей, абсолютной ясностью, какая приходит только в моменты, когда мозг, отбросив все свои защитные механизмы, признаёт очевидное. За дверью кто-то стоял. И этот кто-то ждал. Ждал чего-то, чего Алиса не знала, но от одной мысли об этом по её телу пробегала дрожь, не имеющая ничего общего с холодом.

Она так и просидела до самого утра, не сомкнув глаз, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в край пледа, прислушиваясь к тишине, которая, она знала это точно, была лишь затишьем перед бурей. Дом принял их, впустил в своё чрево, захлопнул за ними двери, и теперь он не собирался отпускать их так просто, без борьбы, без жертвы, без той страшной платы, о которой они пока не имели ни малейшего представления. Где-то в глубине дома, в его тёмных, пыльных недрах, что-то пробудилось, почувствовав присутствие живых людей, и теперь оно медленно, неотвратимо приближалось, чтобы поприветствовать своих гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.